

Творчество А. Левитова отвечало требованиям демократической эстетики 60—70-х годов XIX в.; он был оригинальным писателем со своей четко определенной художественной манерой, особенностью которой было преобладание изобразительного элемента над описательным, раскованность композиции. Лучшим лириком в прозе назвал его М. Горький.

Новаторство всегда опирается на традиции, развивает их и одновременно формирует новые.

Анализ дает основание утверждать, что А. Левитов наследовал гоголевские традиции в проблематике, идейной направленности своих произведений, творчески воспринимал и использовал приемы гоголевского письма.

Список литературы: 1. *Воробьева З. А.* Творчество А. И. Левитова. — В кн.: Проза писателей-демократов шестидесятых годов XIX века. М., 1962. 37 с. 2. *Левитов А. И.* Соч. В 2-х т. М.; Л., 1932—1933. 3. *Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы. Не начало ли перемены? — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Избранные литературно-критические статьи. Л., 1950. 202 с. 4. *Шахов В. В.* Гоголевские темы и образы в художественных и публицистических жанрах демократов-шестидесятников (А. И. Левитов, М. А. Воронов). — В кн.: Проблемы жанрового многообразия русской литературы XIX века. Рязань, 1976, с. 15—31.

Статья поступила в редколлегию 04.02.83.

Н. А. Варченко, преп.,
Николаевский пединститут

К истории создания воспоминаний В. Фигнер «Запечатленный труд»

В истории русской литературы В. Фигнер занимает определенное место в ряду поэтов-народников — таких, как Ф. Волховский, Н. Морозов, Г. Лопатин, С. Синегуб. Стихотворное наследие революционерки невелико по объему и скромно по своим поэтическим достоинствам. Однако «стихи народнических поэтов часто сильны не словом, а тем, что стоит за словом», — замечает Ю. Лебедев, справедливо усматривая главное достоинство революционной народнической поэзии в глубокой искренности ее авторов, в постоянно ощущаемой читателем тождественности творчества подлинным переживаниям авторского «я» [6, т. 3, с. 609].

Литературное наследие В. Фигнер не исчерпывается сборником стихотворений, впервые изданным в 1906 г. Вышедшее в 1932 г. семитомное собрание ее сочинений включает, помимо стихотворений, биографические очерки, известные воспоминания «Запечатленный труд» и мемуарные очерки «После Шлиссельбурга», публицистические статьи, речи, письма. Наиболее интересна и в художественном отношении значительна мемуарная проза В. Фигнер. Ее воспоминания «Запечатленный труд» и связанные с ними единством темы и настроения очерки «После Шлиссельбурга» признаны читателями и критикой «выдающимся явлением мемуарной литературы» [7, с. 242].

Мемуары В. Фигнер долгое время рассматривались как перво-классный по точности исторический источник, и писали о них в основном историки. Сравнительно недавно мемуарная проза революционных народников привлекла внимание литературоведов. При этом в поле зрения исследователей попали в первую очередь воспоминания С. М. Степняка-Кравчинского, отчасти П. А. Кропоткина, Н. А. Морозова [3]. Проза В. Фигнер предметом специального анализа у историков литературы не была. Не претендует на это и автор предлагаемой статьи. Задача ее — наметить основные этапы становления Фигнер-мемуаристики.

«Если я — писательница, — говорила Фигнер, — то меня сделал ею Шлиссельбург» [9, т. 5, с. 476]. Формально это верно, верно в том отношении, что до трагических дней февраля 1883 г., когда преданная С. Дегаевым Фигнер была арестована и заключена в Петропавловскую крепость, ей, профессиональной революционерке, не приходилось писать. Она и не испытывала влечения к литературной работе. Когда же Фигнер оказалась в тюрьме и готовилась умереть, чувство ответственности перед историей, острота личного самосознания побудили ее взяться за перо: «...для жизни, для современности мы умирали, но ведь было будущее для тех, кто пойдет за нами, и для них хотелось запечатлеть свои чувства, сохранить след нашей жизни, наших стремлений, побед и поражений. И для этого будущего в тиши Петропавловской крепости я написала свои показания» [9, т. 1, с. 8]. Эти показания и речь, произнесенная Фигнер на суде, так называемое «последнее слово», представляли собой автобиографический очерк и явились, по сути, первым вариантом написанных 35 лет спустя воспоминаний. Уже тогда, расходившиеся в копиях, они читались «как роман» [9, т. 1, с. 332].

Настоящая литературная деятельность Фигнер началась после выхода из Шлиссельбурга в 1904 г. Начиная с 1906 г., когда был издан сборник ее стихотворений, на протяжении двух десятков лет в журналах «Русское богатство», «Былое», в альманахах, сборниках «Знание», газете «Русские ведомости» печатались ее рассказы, очерки, статьи, рецензии. В 1910—1914 гг. В. Фигнер работала над мемуарами, первый том которых вышел в 1921 г. Наиболее тесное сотрудничество сложилось у Фигнер с журналами «Русское богатство» и «Былое», их редакторами — В. Г. Короленко, В. Л. Бурцевым, П. Ф. Якубовичем. Для принятого Якубовичем в 1907 г. издания первого тома «Галереи шлиссельбургских узников» и по его просьбе В. Фигнер написала шесть биографических очерков о товарищах по заключению: Н. Морозове, М. Фроленко, П. Антонове, Н. Похитонове, И. Лукашевиче, М. Новорусском. Позже к ним прибавились очерки о И. Ашенбреннере, Ю. Богдановиче, Г. Исаеве и др. В 1920 г. очерки вышли отдельным изданием и позже были включены в собрание сочинений.

Биографические очерки в известном смысле дополняют мемуары В. Фигнер. Они не вошли в «Запечатленный труд» из-за нежелания «загромождать его характеристикой многих лиц и

описанием их занятий в крепости и судьбы» [9, т. 4, с. 6]. Жанровое определение очерков «биографические» отражает основу их сюжета и композиции — хронологически последовательное описание жизни героя очерка, охватывающее ее важнейшие события, начиная с детства и кончая смертью или последними известными автору фактами о еще живущем в момент написания очерка товарище. Вспоминая о живых и погибших героях «Народной воли», В. Фигнер стремится увековечить их память, сохранить для потомков опыт их жизни. Агитационно-пропагандистский аспект замысла обязывал мемуаристку сосредоточить внимание на «душевной и сердечной» сущности революционеров-народников. В соответствии с этой задачей В. Фигнер и отбирала фактический материал для очерков. Она не ограничивается рассказами о личном общении с тем или иным героем. Фигнер пытается обозначить главные вехи жизненного пути товарища, объясняющие, как и почему он стал революционером. Мемуаристка тщательно собирала материал, запрашивала родных, друзей умерших шлисельбуржцев, обращалась лично к тем, о ком писала. Получаемый материал не только помогал ей обогатить очерк фактами, но и давал возможность объяснить в герое человека, его индивидуальные черты, особенности характера и темперамента, которые она мыслила результатом наследственности и воспитания. Пример работы над биографическим очерком о С. Златопольском показывает принципы отбора мемуаристкой фактов, эпизодов.

Характерные вопросы, с которыми она обращалась к П. Антонову, прося сообщить ей «сведения о раннем детстве, образовании, воспитании Савелия». Фигнер интересуется, «в каких условиях он рос, развивался, какая обстановка была, что за родители, их характер и социальное положение» [9, т. 6, с. 450]. Ей нужны для очерка «эпизоды детства, характерные черты Савелия как человека в детстве и юности; какие-нибудь факты, взаимные отношения в семье и школе» [9, т. 6, с. 450]. При этом особое внимание Фигнер привлекают те эпизоды из жизни героя, которые наиболее ярко свидетельствовали о нравственных задатках его личности, раскрывали источники формирования его социальных симпатий. Очерк о Златопольском остался ненаписанным, но работа над ним и другими биографическими материалами о шлисельбуржцах, созданными в основном в 1906 г., подготовила, определила принципы изображения автобиографической героини в «Запечатленном труде». Эти принципы предполагали некоторую «жесткость» в отборе фактического материала, объясняющуюся, в частности, задачей рассказать о «начале жизни» в свете революционного будущего героя.

Характер замысла «Запечатленного труда» определяется отношением мемуаристки к истории. Путь завоевания человечеством свободы представляется В. Фигнер в виде аллегорических картин: в одном случае она уподобляет его штурму неприступной стены следующими одна за другой колоннами людей, гибнущих у подножья, но своими телами дающих возможность идущим следом «достигнуть верха заветной стены, увидеть далекий горизонт» [9,

т. 5, с. 426]. В другом случае автор сравнивает народовольцев с «крошечными организмами», живущими в геологический период, которые «день за днем, год за годом, умирая... в течение веков образуют своими скелетами могучие пласты мела». Отдельный организм ничтожен, и «только в целом — меловый пласт мощен и образует целые горы» [9, т. 2, с. 63].

Такова, по мысли мемуаристки, роль в мировой истории отдельных борцов и революционных поколений. Не достигнув цели, одно поколение передает эстафету и свой опыт последующим борцам за великую идею свободы; победа неминуема «в перспективе истории», но достигнет ее человечество суммой усилий, ценой гибели революционеров разных стран и эпох. Мыслью о преемственности революционных идей, нравственного опыта, их ценности для потомков проникнуты все рассуждения В. Фигнер, так или иначе связанные с историей.

В. Фигнер уверена в том, что «духовная красота остается красотой и в отдаленности времен». «Лишения, утраты и нравственные страдания роднят» борцов разных поколений [9, т. 5, с. 357]. Мысль о ценности революционного прошлого закономерно приводила к другой — о необходимости сохранять, беречь, передавать будущим поколениям память о борцах за свободу. Фигнер сожалела, например, о том, что о декабристах «долгие годы... не было ничего, что питало бы благодарную память о них и на чем можно было бы учиться их опыту» [9, т. 5, с. 356]. В речи на открытии музея революции она говорила о насущной необходимости «хранилища памяти» в стране, где свобода куплена ценою бесчисленных жертв борьбы с деспотизмом.

Сама В. Фигнер была одним из тех служителей свободы, которым поклонялась, у которых училась. В высокой степени свойственное ей сознание своей гражданской, общественной миссии формировало и соответствующее отношение к слову. Еще в Шлиссельбурге В. Фигнер слышала слова, сказанные о ней товарищем: «Вера принадлежит не только друзьям — она принадлежит России». Эти слова, признается мемуаристка, «возносили на высоту, которая обязывала и накладывала обязательства» [9, т. 2, с. 10]. Ощущение себя прежде всего общественным человеком, творившим вместе с другими историю, пережившим великие испытания, бесспорно, явилось главным импульсом для создания воспоминаний.

Как же воплощался замысел Фигнер? Каково ее отношение к труду мемуариста? Известно, что В. Фигнер отрицательно относилась к вымыслу в изображении прошлого. «Изображать исторические события и участников в них и вставлять, по каким бы то ни было соображениям, в это изображение вымыслы я считаю... профанацией революционного движения», — писала она П. Щеголеву [4, с. 379]. В. Фигнер стремилась к документальной точности, заботилась о том, чтобы «говорить языком участника и очевидца». Ей важно было сохранить масштаб прошлого, в особенности деятельности «Народной воли», что в условиях развернувшегося в первые десятилетия XX в. широкого рабочего движе-

ния было непросто: «...историческая перспектива мешала»,— признается Фигнер [9, т. 1, с. 7]. Для литературной работы она ищет «тишины и уединения, в которых «легко прислушаться к голосам прошлого». Мемуаристке долго не давался язык, каким бы ей хотелось рассказать о деятельности Исполнительного комитета «Народной воли», своих товарищей. В процессе работы она оставляет этот период своей жизни неопианным. И только тогда, когда ей становятся доступны собственные показания, извлеченные из царских архивов, она берется говорить о драматических событиях начала 80-х годов. В соответствующей части «Запечатленного труда» мемуаристка сохранила в точности текст показаний, которые «верно отражали» ее отношение к революционному делу, ее чувства не только в прошлом, но и 34 года спустя.

Работая над воспоминаниями, Фигнер стремилась не только к фактической точности. Ее заботило создание «не фотографии», но произведения, удовлетворяющего «с художественной стороны», ей хотелось «написать так, чтобы книга жила» [9, т. 7, с. 235, 209, 213]. В числе немногих известных нам мемуаристов прошлого, упоминаемых Фигнер, произведения которых были для нее литературным примером, следует назвать автора «Моих воспоминаний» Ролан Манон. «Написать книгу... подобную воспоминаниям госпожи Ролан... мечта каждого писателя»,— отмечала Фигнер [8]. Что-то родственное находила она в рецензии о далеком прошлом, в ее воспоминаниях, написанных с близкой Руссо откровенностью [5, с. 39]. Имя второго мемуариста, с которым ассоциировалась у Фигнер судьба собственных воспоминаний,— Сильвио Пеллико. В предисловии ко второму тому «Запечатленного труда», описывающему швейцарское заточение, Фигнер выражает надежду, что «наступит время», когда ее книга будет нужна, что ее воспоминания будут жить, как живут «Мои темницы» Пеллико и «Тиль Уленшпигель» де Костера, несмотря на отдаленность описанной в них эпохи [9, т. 2, с. 6].

Но были у Фигнер и более близкие по времени примеры. Имеем в виду мемуарный опыт ее товарищей-швейцарцев, других народников, воспоминания которых появились в конце XIX—начале XX века. К моменту начала работы Фигнер над «Запечатленным трудом» были опубликованы «Записки революционера» П. Кропоткина, мемуарные очерки Н. Морозова, воспоминания о Швейцарии М. Новорусского, М. Ашенбреннера, Л. Волкенштейн и других деятелей народнического движения. Отдельные периоды его были освещены в работах А. Иванчина-Писарева, О. Любатович. Мемуаристке приходилось считаться с уже написанным, порой ее одолевали сомнения в необходимости своих воспоминаний. «Все уже так известно... и воды-то, воды сколько с той поры протекло и, протекая, столько новых наслоений отложило...»— делилась Фигнер сомнениями в письме к Иванчину-Писареву [8].

Опираясь на литературный опыт товарищей, В. Фигнер вырабатывает собственные принципы мемуарного творчества. Так,

критикуя Н. Морозова за «многословие и растянутость» его мемуарных очерков, Фигнер в письме к нему отмечает: «Когда касаешься старины, надо писать сжато, выбирать выпуклое, не терять время на всякого рода мелочи и длинные описания... Повторение известного скучно...» [9, т. 7, с. 215].

Собственная литературная и идеологическая установка В. Фигнер не предполагала включение в воспоминания сугубо личного, не связанного с гражданским обликом ее автобиографической героини. В этом существенное отличие мемуарного замысла народников, в частности В. Фигнер и П. Кропоткина, от замысла А. И. Герцена, который «был убежден в том, что его жизнь вся в целом, даже его личная, семейная является фактом общественного значения» [1, с. 78].

«Жесткость» отбора биографического материала для воспоминаний не помешала, однако, В. Фигнер создать произведение, являющееся «драгоценным вкладом в русскую литературу» [2, с. 184].

Список литературы: 1. *Гинзбург Л.* Былое и думы Герцена. Л., 1957. 374 с. 2. *Горев Б.* Вера Фигнер. Запечатленный труд. Том II. Когда часы жизни остановились. — Печать и революция, 1923, № 1. 190 с. 3. *Дуров Б. Д.* Мемуарный жанр в художественной прозе революционного народничества. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 16 с. 4. *Елизаветина Г. Г.* Былое и думы Герцена и русская мемуаристика XIX в. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968. 16 с. 5. *Красовский Ю. А.* Женщина русской революции. — В кн.: Встречи с прошлым. М., 1982, вып. 4, с. 348—383. 6. *К-ий П.* Ролан Манон... — В кн.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Эфрон, 1899, т. 53, с. 38—39. 7. *Лебедев Ю. В.* Поэзия революционного народничества. — В кн.: История русской литературы. В 4-х т. Л., 1982, с. 606—630. 8. Летописи марксизма. 1930, № 1. 9. Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, 457, л. 10. 10. *Фигнер Вера.* Собр. соч. В 7-ми т. М., 1932.

Статья поступила в редколлегию 02.03.83

Н. П. Лебедеико, канд. филол. наук,
Измаильский пединститут

Своеобразие сатиры А. Блока в стихотворном цикле «Жизнь моего друга»

В настоящее время особую роль в борьбе с отрицательными явлениями и пережитками прошлого играют сатира и юмор [1, с. 62]. Одной из характерных черт сатиры социалистического реализма является творческое сочетание лучших традиций прошлого с новаторством. Поэтому изучение сатирического творчества писателей — предшественников социалистического реализма имеет определенную научную важность.

Цель настоящей статьи — проследить конкретные формы сатиры в творчестве А. Блока, в частности своеобразие сатирического начала в стихотворном цикле «Жизнь моего друга».

Своеобразие сатиры А. Блока, эволюция сатирического твор-